

УДК 94(571.150)

ББК 63.3(2)52-8 Ядринцев Н.М.

**Творческое наследие Н.М. Ядринцева первых лет ссылки:  
1868–1872 гг.: к 180-летию со дня рождения мыслителя-  
публициста**

*А.В. Головинов<sup>1</sup>, Ю.В. Головинова<sup>2</sup>*

<sup>1</sup>Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

<sup>2</sup>Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

**N.M. Yadrintsev's Creative Heritage of the Early Years  
of Exile (1868–1872): on the 180<sup>th</sup> Anniversary  
of the Thinker-Publicist's Birth**

*A.V. Golovinov<sup>1</sup>, Yu.V. Golovinova<sup>2</sup>*

<sup>1</sup>Altai State University (Barnaul, Russia)

<sup>2</sup>Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Настоящая публикация посвящена анализу творческого наследия основоположника движения сибирских областников Н.М. Ядринцева в период ссылки в Шенкурске Архангельской губернии. Исследовательский интерес авторов главным образом сосредоточен на периоде 1868–1872 гг. Преимущественно руководствуясь материалами писем и воспоминаний, авторы детализируют оттенки творческого наследия известного сибиряка в ранний период ссылки. С учетом проведенных ранее исследований в данной проблематике учеными — историками и филологами предпринимается попытка показать факторы и условия, оказавшие влияние на идейное и публицистическое наследие Н.М. Ядринцева. Высказывается мысль о том, что для раннего периода ссылки была характерна литературная и публицистическая работа, связанная с актуальными и по преимуществу общерусскими темами. В этот отрезок времени, сотрудничая с передовыми изданиями Российской империи, сибирский областник готовил материалы о тюрьме, ссылке, разбирал женский вопрос и др.

В конечном счете, авторы исходят из позиции, согласно которой окончательное становление мировоззренческих ориентиров известного сибиряка происходило именно в «шенкурский» период.

**Ключевые слова:** Н.М. Ядринцев, сибирское областничество, провинциальная пресса, ссылка.

**DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-02**

**Введение**

Актуальность обращения к наследию идеологов сибирского областничества главным образом обусловлена тем, что в 2022 г. исполняется ровно 180

This publication is devoted to the analysis of the creative heritage of N.M. Yadrintsev during his exile in the city of Shenkursk, Arkhangelsk province. The research interest of the authors is mainly focused on the period 1868–1872. Mostly, guided by the materials of letters and memoirs, the shades of the creative heritage of the famous Siberian Philosopher in the early period of exile are detailed. Taking into account the previously conducted research in this field by scholarly historians and philologists, an attempt is made to show the factors and conditions that influenced the ideological and journalistic heritage of N.M. Yadrintsev. The article expresses the idea that the early period of exile was characterized by literary and journalistic work related to topical and mainly general Russian topics. During this period of time, collaborating with the leading publications in the Russian Empire, the Siberian regional expert prepared materials about prison, exile, examined the women's issue and others.

Ultimately, the authors proceed from the position that the final formation of the worldview guidelines of the famous Siberian took place precisely in the "Shenkur" period.

**Key words:** N.M. Yadrintsev, Siberian regionalism, provincial press, exile.

лет со дня рождения Н.М. Ядринцева. Разумеется, история движения сибирского областничества изучена достаточно основательно. Вместе с тем все же остаются незначительные лакуны в отдельных аспек-

тах деятельности представителей областнической идеологии. К таким вопросам можно отнести период ссылки одного из основоположников областнической программы Николая Михайловича Ядринцева. Детализация оттенков и нюансов творческого наследия известного сибиряка в ранний период ссылки позволила бы еще раз в отечественной историографии пролить свет на генезис идеологических установок областников, на то, что же на них влияло и в каких условиях вызревали идеалы и ценности сибирских патриотов.

В настоящее время данная проблематика является предметом исследования ученых — историков и филологов, таких как Н.В. Серебенников [1], И.Г. Чередниченко [2], А.Г. Кандеева [3] и др. Выводы, полученные современными авторами, носят системный характер, проработанность и хронологическая точность делают их незаменимыми для нашей работы.

В последние годы публицистическую деятельность Н.М. Ядринцева с опорой на источники личного происхождения активно изучает Ю.Б. Костякова [4]. Автор осуществляет попытку выявить причины, обусловившие публикационную активность Н.М. Ядринцева в годы ссылки в Шенкурске. В фокусе нашего же внимания попытка показать, на фоне каких событий и превратностей судьбы прогрессировал писательский талант и окончательно оформлялось областническое мировоззрение Н.М. Ядринцева.

#### **Методы исследования**

Проводимое исследование осуществлялось на основе принципов историзма и объективности, а также применялись историко-системный и историко-генетический методы исследования.

#### **Полученные результаты и их обсуждение**

Итак, активизация умственных сил Николая Михайловича пришлась на время пребывания в ссылке в Шенкурске Архангельской губернии.

Однако к месту ссылки предстоял непростой путь. «Мы шли с июня по сентябрь от Нижнего пешком, иногда к нам придирались, хотели заковать в ручные кандалы, но мы отстаивали свои права. В Перми нас жестоко выбранил инспектор пересыльной части за то, что мы, справившись с законом, просили отдельного помещения. Мы испытывали арестантскую баржу (подобно бурлакам тащили тяжелейшее судно. — А.Г., Ю.Г.) и были покрыты блохами сплошь в пересыльных этапах... У нас на дорогу было всего 10 рублей (с ними мы прошли всю Россию), данные благотворителями. Деньги истощились, платье изнашивалось. Были только казенные халаты и рубахи» [5, с.159]. Так вспоминал это тягостное время Н.М. Ядринцев. Позже он напишет в своей книге «Русская община в тюрьме и ссыл-

ке», а также будет упоминать в своей автобиографии, опубликованной уже после его смерти, о том, что казенные одеяния причиняли им массу беспокойств из-за постоянных досмотров юбки и картуза унтер-офицерами.

«Измученные и усталые, — писал сибирский патриот, — мы явились в Архангельск, где были сурово встречены местным полицеймейстером, даже фамилия его гармонировала с его суровостью — он назывался Штуцер. Мы были без гроша. Нас заперли в полицейскую кутузку» [5, с.159]. Вместе с тем неправильным с нашей стороны будет сгущать краски. Как следует из воспоминаний Николая Михайловича, ссыльные сибиряки подпали под благосклонное отношение губернатора Архангельской губернии князя Гагарина. Вероятно, заранее ознакомившись с материалами дела сибирских сепаратистов и бегло изучив их биографии, глава Архангельской губернии приказал обходиться с ссыльными гуманно и мягко, поскольку волею судеб они были сосланы за взгляды и убеждения, а не по уголовному деянию. В самом же Архангельске ссыльные не могли оставаться на постоянной основе. Однако Н.М. Ядринцевым и его товарищами были поданы прошения остаться в городе хотя бы на две или три недели. Несмотря на опасения, что вышеупомянутый Штуцер не передаст эти обращения, к удивлению ссыльных, всех оставили в городе и перевели в больницу для комфортного, насколько это возможно для арестантов, пребывания.

Явно вдохновившись обратной связью с властью имущими, Н.М. Ядринцев, как только обосновался в больнице, принялся писать письма различным адресатам на предмет устройства его на службу или возможного заработка. «Поместившись в комфортабельной больнице, я, — вспоминал сибирский патриот, — написал письмо П.П. Чубинскому — ссыльному по делу малороссов, но принятому на службу в Архангельск и писателю Альбертини. Они мне прислали книги, газеты, затем приехал Чубинский [5, с.160]. В воспоминаниях нашего земляка мы находим сведения о том, что Гагарин как мудрый губернатор пользовался советами и сотрудничал со многими ссыльным, в том числе и с теми, к кому и обратился Николай Михайлович — Альбертини и Чубинскому. Именно Чубинский предложил Ядринцеву подготовить записку о нуждах и реальном положении дел в русской тюрьме в связи с предстоящей тюремной реформой. Взяв на себя смелость в оценочных суждениях, можно утверждать, что таким образом буквально волею судеб впоследствии Николай Михайлович прочно впишет свое имя в науку тюремоведения. Роль П.П. Чубинского в этом нельзя недооценивать, если бы он не предложил тогда ссыльному сибиряку работу над пенитенциарной темой, возможно, и не было монументального труда «Русская

община в тюрьме и ссылке». С увлеченностью публициста Н.М. Ядринцев тотчас принялся за работу над тюремной проблематикой. По прошествии двух недель первая полноценная работа сибирского областника о положении современной ему системы исполнения наказания была готова. Его материал сразу же был оценен по достоинству и принес своему автору приятные «бонусы». «Губернатор и Альбертини, — вспоминал Ядринцев, — прочитав мои описания, приходили в восторг, как передавал Чубинский. В больницу мне прислали разные лакомства, виноградное вино и т.д. Когда я кончил записи, губернатор приехал для осмотра госпиталя и, войдя без свиты, благодарил меня, в знак своего благоговения предложил мне выбрать лучший уездный город в Архангельской губернии. Я избрал Шенкурск, куда меня сопроводили экипажем, а не по этапу» [5, с. 161].

«Не знаю, каков климат, в Никольске, — позже напишет Николай Михайлович в одном из писем Г.Н. Потанину, — у нас в Шенкурске он довольно здоров. Это самый южный город Архангельской губернии. Но растительность. Боже мой, что за растительность. Столько хвои на песчаной почве» [6, с. 4]. Как видим, условия для жизни и даже творческой работы областника на месте ссылки были более чем сносными. В распоряжении ссыльного сибиряка оказались библиотеки, училища и, как он сам вспоминал, все лучшие журналы: «Вестник Европы», «Отечественные Записки», «Дело», «Петербургские ведомости» и др. Потому вполне понятно, что с первых дней жизни в Шенкурске Ядринцев погрузился в активную рабочую атмосферу.

Так, сибирского патриота, прибывшего к месту ссылки в 1868 г., захватила большая исследовательская и программно-идеологическая работа. «Я не мог, — вспоминал Николай Михайлович, — оставаться без дела, без книг, без занятий...» [7, с. 72]. В период ссыльной жизни лидер областничества серьезно изучал колониальный вопрос, проводил этнографические исследования. В это время шла проработка регионалистских вопросов: создание местной интеллигенции, активизация местного патриотизма, положение инородцев, учреждение университета, проблемы земства и многие другие.

Стоит учитывать, что интеллектуальная деятельность Николая Михайловича тех годов проходила в очень непростых, если не казать, в тяжелых условиях. «Надо постоянно помнить, — отмечал Николай Козьмин, редактор сборника избранных статей сибирского областника, — что эта творческая и кипучая умственная работа идет в захолустном уездном городке самой северной русской губернии — Архангельской, куда сибирский патриот отправлен в ссылку. Ядринцев был лишен всяких средств и элементарных удобств и жил исключительно литературным заработком. Материальные его условия

были таковы, что 25 руб. были для него огромным заработком» [8, с. 63]. Финансовые трудности сибирский областник воспринимал стоически, относясь к происходящему как к данности, не прекращая при этом свою публицистическую и литературно-журналистскую работу. «Я нисколько не удивлюсь, — писал он в 1872 г., — если восточные статьи придется писать бесплатно. Это моя обыкновенная участь. Так уж на роду написано» [6, с.12]. Уточнения ради необходимо пояснить, что кое-какую прибыль Н.М. Ядринцеву приносили публикации на общие темы, не замыкающиеся на проблемах восточной окраины. «Как только я принялся за статьи, не имеющие восточного интереса, — констатировал Ядринцев, — так, например, за тюремный вопрос, деньги повалили, и я прожил 3 года не в особой нужде. Проживал до 25 и 30 рублей в месяц. Но деньги от Благосветова все же приходилось вытаскивать тискаами, при том он постоянно обсчитывал. Вообще я вынес такое заключение, что все что ни получишь от петербургской журналистики, надо считать упавшим с неба, но не верным доходом» [6, с. 12].

Период литературного и философско-публицистического наследия сибирского областника во время его пребывания в Шенкурске Архангельской губернии, с 1868 г. вплоть до конца 1873 г. можно считать особенной вехой в судьбе защитника интересов восточной окраины — Сибири. В этот период активизировалась его работа в газетном жанре. Он сотрудничал с такими изданиями, как «Камско-Волжская газета», «Отечественные записки», «Сибирь», «Дело», «Искра», «Женский Вестник», «Неделя» и др. В это время произошло осмысление роли региональной прессы и литературы в развитии гражданственности. Нужно помнить, что частым явлением, с которым приходилось сталкиваться Н.М. Ядринцеву, была жесткая имперская цензура.

Очевидно, что компенсационным выходом умственных стараний, подпавших под жернова тогдашней цензуры, стали ядринцевские фельетоны. Ядринцеву, как замечает Н.Н. Козьмин, «не раз приходилось менять перо ученого публициста на барабанную палочку фельетониста. Из юмористического барабана им извлекалась не одна бичующая дробь, но и ... захватывающие картины родной природы. В этом особая ядринцевская литературная манера» [8, с. 6]. Жанр фельетона Н.М. Ядринцев, разумеется, стал использовать еще до ареста и ссылки. Первый фельетон с острым названием «Наша любовь к народу» был опубликован в 1863 г. в журнале русской революционной демократии «Искра». Как пишет современный автор, в первых фельетонах Н.М. Ядринцева отчетливо обозначена крестьянская тематика, помещенная в контекст имперского дискурса. В силу объективных факторов со второй половины 1860-х гг. появляется серия фельетонов,

в которых тема Сибири выходит на первый план («Бойкий полет», «Тюленьская жизнь»). Тем самым Николай Михайлович внедрил сибирский фельетон в общероссийскую журналистику [9, с. 123].

Любознательный и пытливый ум Николая Михайловича почти всегда поглощал тонны информации. Ядринцев в ссылке очень самоотверженно посвятил себя интеллектуальной работе. «В то время, — вспоминал сибирский областник, — я изучал историю колоний, учился английскому языку и занялся вопросом о централизации и децентрализации в различных странах Европы. Вопрос этот казался важным для изучения областного вопроса в России. Таким образом, во все время ссылки я готовился к публицистической деятельности, изучая европейскую историю и историю колоний» [5, с. 161].

Как видим, серьезная теоретическая база идеологической платформы программы областников складывалась как раз в это непростое для Николая Михайловича время. Понятно, конечно, что сама областническая идея родилась еще в петербургский период студенчества Н.М. Ядринцева. Фундаментальная же проработка и окончательное становление мировоззренческих ориентиров нашего сибиряка происходило именно в шенкурский период. Живое обсуждение вопросов с сотоварищами еще более проливало свет на постигаемые Николаем Михайловичем вопросы. «Беседы и обмен идеями с такими образованными людьми, как Христофоров, Стронин и Шашков, давали возможность выяснить вопросы», — пишет Ядринцев в автобиографии [5, с.161]. К сожалению, в этот период ссыльный сибиряк не мог детально обсуждать областнические идеи с самым близким другом — Григорием Николаевичем Потаниным, которого Ядринцев называл братом и соратником. Это отягощало положение Н.М. Ядринцева, все же охарактеризовать его можно было как одиночество. «Разгром сепаратистов, — писали издатели переписки идеологов областничества, — в качестве которых были осуждены сибирские патриоты, разбросал друзей. Идеиное одиночество угнетало общительного и резко реагирующего на впечатления Николая Михайловича. Григорий Николаевич (имеется в виду Потанин. — А.Г., Ю.Г.) за время каторги никому не писал» [6, с. 1]. Действительно, появление в 1872 г. эпистолярных трудов Потанина сравнимо в данном случае с воскресением из мертвых. Можно представить, с каким нетерпением, искренней любовью и благоговением перед своим адресатом Ядринцев принял за первое письмо. Хочется заметить, что при прочтении самого первого письма после столь продолжительного идейного одиночества Ядринцев испытал волнение в купе

с неприкрытыми трепетными чувствами к преданному другу. «Добрый, добрый друг мой Григорий Николаевич, наконец-то мы опять свиделись, хотя и заочно. С нетерпением я ждал вашего письма...» — напишет Ядринцев 20 февраля 1872 г. из Шенкурска [6, с. 6].

Известно, что в 1872 г. полностью отбыв каторжные работы, Г.Н. Потанин был переведен к месту ссылки в Вологодскую губернию — город Никольск. С этого момента начинается активнейшая переписка, обмен идеями, обсуждается колониальный вопрос. К этому же времени относится и кипучая работа «первых лиц» областнического движения в «Камско-Волжской газете». С уверенностью можно полагать, что последние годы ссылки (1872–1873 гг.) — это уже иной этап в творческом наследии и жизненном пути Н.М. Ядринцева, связанный с вышеназванной газетой. Камско-Волжский период жизни в ссылке лидера областнического движения требует специального рассмотрения, что должно стать предметом исследования уже другой публикации.

#### Заключение

В качестве вывода можно с очевидностью заключать, что в ссылке Н.М. Ядринцева отчетливо прослеживаются два периода: ранний, с 1868 по 1872 г., и поздний, или Камско-Волжский — 1872–1873 гг. В историографии этот вопрос уже выносился на обсуждение Ю.Б. Костяковой [4]. Выражая принципиальное согласие с современным автором, не умаляя достоинств проделанной ею работы, возьмем на себя смелость уточнить некоторые моменты и выразить собственную позицию. Так, для раннего периода была характерна литературная и публицистическая работа, связанная с актуальными и по преимуществу общерусскими темами. В этот отрезок времени, сотрудничая с передовыми в Российской империи изданиями, сибирский областник готовил материалы о тюрьме, ссылке, разбирал женский вопрос и др. Это вполне может быть объяснимо тем, что именно за подготовку подобных публикаций он получал хоть какое-то материальное вознаграждение. В Камско-волжский период, т.е. во время самых последних лет шенкурской ссылки, генеральной линией творческого пути областника становится проработка сибирских вопросов. В целом, сотрудничество с казанской газетой — предельно важный фрагмент в наследии Н.М. Ядринцева, также потому, что в тандеме с ближайшим другом и соратником Г.Н. Потаниным формировались идеологические и концептуальные основы областнического движения. Отражение этого мы находим в переписке основоположников сибирского областничества и, соответственно, на страницах «Камско-Волжской газеты».

### Библиографический список

1. Серебренников Н.В. Опыт формирования областной литературы. Томск, 2004.
2. Чердниченко И.Г. Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004.
3. Кандеева А.Г. Слово о Ядринцеве : монография. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2001.
4. Костякова Ю.Б. Публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г.Н. Потанину за 1872–1873 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2019. № 62.
5. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Русская мысль. 1904.
6. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года. Красноярск, 1918.
7. Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. К 10-летию со дня кончины (7.VI.1894-7.VI.1904). СПб., 1904.
8. Козьмин Н.Н. Вводная статья // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919.
9. Чуркин М.К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н.М. Ядринцева // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 3.